

Право и экономика: добро и эффективность

05.08.2021

СТАТЬИ

«Право и экономика тесно связаны между собой, причем в нескольких разных смыслах», — считает известный юрист, кандидат физико-математических наук Сергей Будылин. (Статья была опубликована в журнале [LEGAL INSIGHT № 6 \(102\) 2021](#))

То, что для эффективного народного хозяйства необходим крепкий правопорядок, кажется очевидным. Современная экономика немыслима без современных правовых институтов.

Так, например, не стоит рассчитывать на долгосрочные инвестиции в обществе, где отсутствует эффективная правовая защита собственности. Если, скажем, бюрократы или силовики в любой момент могут отобрать понравившийся им бизнес или разорить предпринимателя, показавшегося им политически неблагонадежным, то инвестировать в такой стране на сколько-нибудь продолжительный срок просто глупо. Думается, это важнейшая причина того, что фирмы наподобие SpaceX Илона Маска создаются — и выживают! — в таких странах, как США, а не в таких, как ЮАР (родина Маска) или Россия.

С учетом тесной связи между правопорядком и народным хозяйством неудивительно и наличие тесной связи между наукой права и наукой экономики. Отечественным правоведением эта связь пока не до конца осознана, но в других странах, особенно в тех же США, данная тема исследуется учеными довольно давно и весьма плодотворно.

Особенно очевидна эта связь в частном праве и тех областях публичного права, которые напрямую регулируют экономические отношения (антимонопольное право и др.). Если вдуматься, единственным назначением правового регулирования хозяйственной деятельности является обеспечение экономической эффективности этой деятельности в целом и отдельных составляющих ее транзакций в частности. Правовые нормы должны быть прежде всего экономически эффективны!

Вы спросите, а как же соображения справедливости? Ведь право — это искусство добра и справедливости? Никакого парадокса здесь нет. Дело в том, что интуитивное и довольно неопределенное понятие справедливости при попытке перевода в точные термины транслируется именно в понятие эффективности. Что эффективно, то и справедливо! Так что старую максиму можно перефразировать: право — это искусство добра и экономической эффективности.

Здесь имеет смысл развеять некоторые распространенные заблуждения. Не стоит представлять себе специалистов по экономическому анализу права как неких бездушных проповедников дикого капитализма. В частности, ошибочно мнение, что экономический

анализ права диктует абсолютную свободу договора. Действительно, теоретически доказано, что свобода договора приводит к экономически эффективным сделкам, но лишь при определенных условиях: при отсутствии транзакционных издержек, в условиях полноты информации и при абсолютной рациональности хозяйствующих субъектов. В иных случаях могут потребоваться поправки.

Например, с точки зрения экономического анализа права защита слабой стороны договора — прежде всего потребителя — необходима потому, что без такой защиты эта сторона не сумеет добиться заключения договора на экономически эффективных условиях.

Предписывая сильной стороне заключение договора на определенных условиях, государство восстанавливает экономическую эффективность — а значит, и справедливость!

Но коль скоро экономическая эффективность — главная цель правового регулирования, то и главным инструментом правоведа, оценивающего качество правовой нормы, должен стать экономический анализ последствий принятия этой нормы. Более того, при должном уровне развития как науки экономики, так и науки права станет возможно просто вычислить идеальную правовую норму, решив математическую задачу максимизации экономической эффективности нормы.

Собственно говоря, экономическая наука уже достигла необходимого для этого уровня математизации. За последнюю пару сотен лет теоретическая экономика совершила грандиозный рывок, превратившись из науки качественной в науку точную, по математическому аппарату мало чем уступающую теоретической физике (сама физика прошла ту же эволюцию несколько раньше). Правоведение в этом смысле находится в начале большого пути, оставаясь пока преимущественно в рамках «разговорного жанра». Но лиха беда начало! Возможно, и правоведа через какое-то время научатся не менее ловко, чем экономисты, обращаться с суммами и интегралами.

Не только многие правоведа, но и некоторые судьи — пока преимущественно в США — осознают плодотворность естественно научных подходов к праву. Так, знаменитый

американский судья Лернд Хэнд еще в 1947 г. включил в свой судебный акт формулу для выявления неосторожности, ныне известную как «формула Хэнда». (Для интересующихся: $PL > B$, где P — вероятность ущерба, L — размер ущерба, B — стоимость принятия мер предосторожности.) А не менее знаменитый американский судья и профессор Ричард Познер и вовсе является классиком экономического анализа права.

Экономический анализ права не ограничивается лишь собственно экономическими разделами права. Ведь экономическая наука (economics) в широком смысле изучает не только хозяйственную деятельность, но и вообще поведение человека, основанное на сравнении ценностей для него тех или иных исходов его поступков. Так, поведение потенциального правонарушителя определяется тем, что для него более ценно: доход или удовольствие от замышляемого им преступления либо свобода от риска привлечения к ответственности за это преступление. Соответственно, к анализу его поведения применимы все стандартные методы экономики, и оптимальная норма уголовного права тоже может быть выведена с использованием экономических методов.

Находят свое отражение в праве и новые веяния экономической теории, такие как «поведенческая экономика», принимающая во внимание ограниченную рациональность субъектов, а также связанная с ней теория «подталкивания» (nudge) Ричарда Талера. В том же уголовном праве в большинстве случаев вряд ли обоснован взгляд на преступника как на идеально рационального субъекта!

Во многих случаях мягкое «подталкивание» ограниченно рациональных субъектов к определенному решению работает эффективнее, чем категорические запреты или предписания. В том числе это относится к правовым нормам. Так, правило о том, что сигареты продавать можно, но они должны быть скрыты от глаз покупателя, — это типичное «подталкивание» к отказу от курения.

Разумеется, в правоведении сохраняют свое значение и качественные соображения

справедливости, которые пока затруднительно выразить математическими формулами, и чисто догматические критерии для формулирования норм. Ведь действенность правовых норм не в последнюю очередь зависит от их доступности и понятности для людей, а значит, от интуитивной обоснованности и логической стройности системы норм права.

И все же российским правоведам пора выходить из замкнутого мира сухой правовой догматики на просторы междисциплинарных исследований. Ведь право — это не абстрактная игра в бисер, существующая сама в себе и для себя. Право регулирует жизнь человека, и единственно важным обстоятельством для оценки правовой нормы является то, как именно она влияет на жизнь людей. А для определения этого эффекта нам не обойтись без экономики. Пригодятся правоведам и другие дисциплины, такие как социология, психология и пр. Но это уже тема для отдельного разговора.